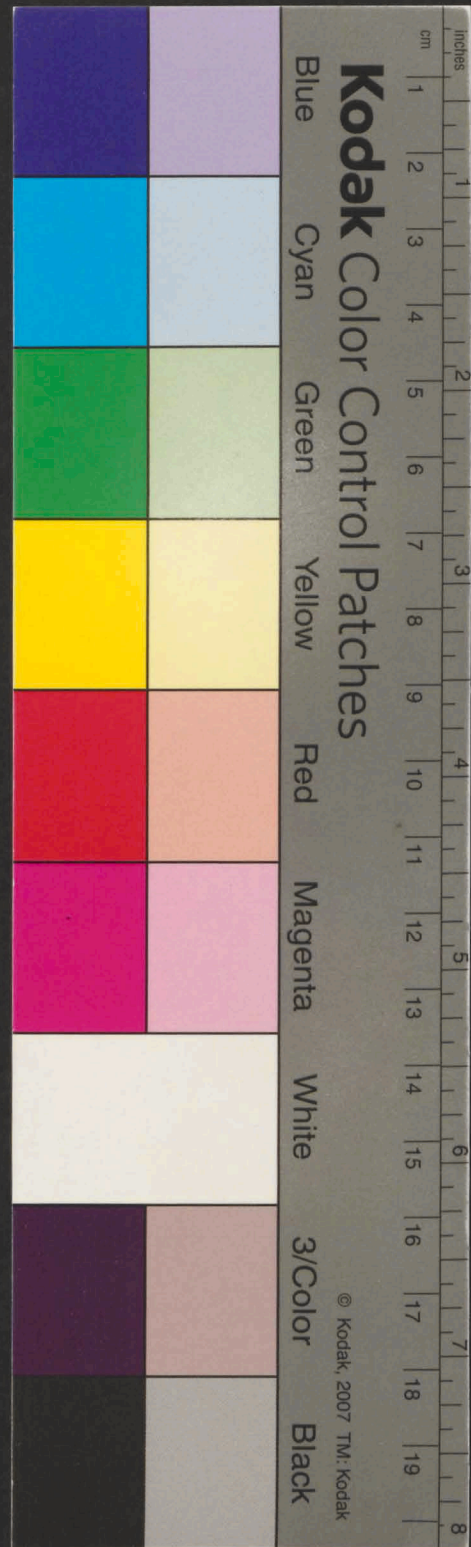
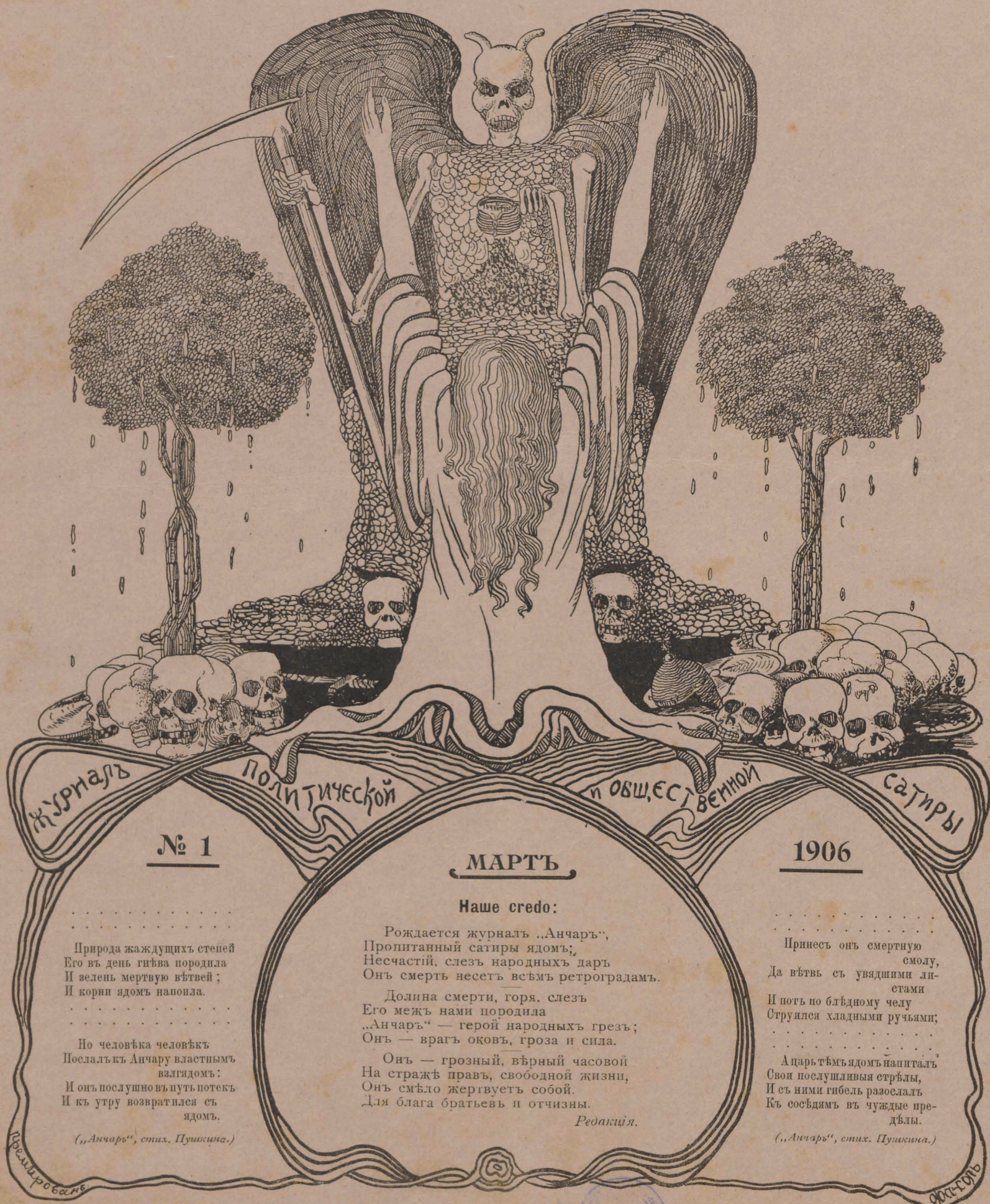

SPER nera
Relas!

АНЧАРЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ
 на еженедѣльный литературно-художественный журналъ
 [ПОЛИТИЧЕСКОЙ и ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ]

„АНЧАРЪ”

Въ журналѣ „Анчаръ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Г. Б. Блаубергъ (Андрей Ростовцевъ), Браунингъ (псевдонимъ), Н. Н. Брешко-Брешковскій. И. М. Василевскій (Не-Буква), А. В. Голдобинъ, Ф. Т. Куликовъ, А. А. Левитманъ (Грунинъ), И. С. Рукавишниковъ, В. С. Тетерскій и мног. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ: А. Ф. Домонтовичъ, Е. Е. Надеждинъ, А. А. Роговъ, Д. Г. Числевъ и мног. друг.

Списокъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала „Анчаръ“ будетъ пополненъ въ слѣдующемъ номерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На 1 годъ:	На 6 мѣс.:	На 3 мѣс.:
Въ С.-Петербургѣ	4 руб.	2 руб. 25 коп.	1 руб. 50 коп.
„ провинціи	5 „	2 „ 75 „	1 „ 75 „
Заграницу!	8 „	4 „ 50 „	2 „ 50 „

Отдѣльные номера „Анчара“ въ Петербургѣ—15 к.; въ провинціи—18 к.
 Пересылка за счетъ конторы журнала.
 Объявленія—по 50 к. за строку петита.

Редакція и контора журнала „Анчаръ“:—Б. Подъяческая, д. 4., кв. 13.
 Редакція принимаетъ по дѣламъ журнала исключительно по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 4—6 часовъ веч.

Контора открыта ежедневно отъ 10 час. утра до 12 час. дня.

ПРОБНЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ СЕМИКОПѢЧНЫЯ МАРКИ.

Гг. подписчики; какъ городскіе, такъ и иногородніе, а также наши представители и комиссіонеры, въ случаѣ пріостановленія или прекращенія, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, изданія „Анчара“, будутъ неотложно, въ полномъ размѣрѣ заказа, удовлетворены новымъ журналомъ, однороднаго съ „Анчаромъ“ направленія, на условіяхъ журнала „Анчаръ“.

Петербуржскимъ газетнымъ артелямъ номера „Анчара“ и журналовъ, которые замѣнятъ „Анчаръ“, въ случаѣ пріостановленія или прекращенія этого изданія, отпускаются на слѣдующихъ условіяхъ;

При розничной цѣнѣ въ Петербургѣ:	Артелямъ отпускается:
15 коп.	10 коп.

Оптовымъ покупателямъ въ провинціи, т. е. агентамъ редакціи и комиссіонерамъ, номера журнала отпускаются по цѣнамъ петербургскихъ газетныхъ артелей, на слѣдующихъ условіяхъ:

- а) Редакція за свой счетъ пакуеть и доставляетъ на вокзалъ или почту весь заказъ.
- б) За перевозку груза по желѣзной дорогѣ или пересылку его по почтѣ, оптовый провинціальный покупатель уплачиваетъ впередъ или на мѣстѣ назначенія груза (наложенный платежъ).
- в) Оптовый провинціальный покупатель уплачиваетъ впередъ деньги за 1/3 стоимости груза изъ расчета по 10 коп. за экземпляръ. На остальную сумму (2/3) заказа можетъ быть сдѣланъ наложенный платежъ.
- г) За конфискацію груза въ пути слѣдованія или по прибытіи его въ городъ назначенія—редакція не несетъ никакой матеріальной отвѣтственности.

Газетнымъ артелямъ и другимъ оптовымъ покупателямъ этотъ номеръ журнала въ день выхода его въ свѣтъ будетъ выдаваться въ Типографіи Х. И. Бреденфельдъ и К^о, Забалканскій просп. 22.
 Въ послѣдующіе дни журналъ будетъ продаваться въ складѣ при редакціи: Спб. Бол. Подъяческая ул., д. 4, кв. 13.

Издатель: Л. М. Зусеровичъ-Клебанскій.
 Отвѣтственный редакторъ: Д. Г. Числевъ.

До выпуска № 1 „Анчара“ редакція объявила конкурсъ на лучшія литературныя и художественныя произведенія.

Литераторы, сатирики, юмористы, и художники любезно откликнулись на нашъ призывъ. Конкурсное жюри, во главѣ съ Н. Н. Брешко-Брешковскимъ, присудило преміи:

За литературное произведение — В. С. Тетерскому (передовая — „Анчаръ“).

За художественное произведение — Д. Г. Числіеву (заглавный рисунокъ).

Кромѣ того конкурснымъ жюри одобрены нѣсколько литературныхъ и художественныхъ произведений, представленныхъ въ редакцію, какъ на конкурсъ, такъ и внѣ конкурса, которыя и будутъ помѣщены въ ближайшихъ номерахъ „Анчара“.

Редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ лицамъ, любезно принявшимъ участие въ жюри и конкурсѣ.

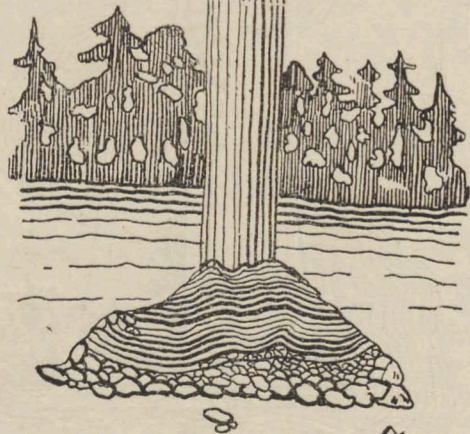
Редакція журнала „Анчаръ“.

Анчаръ.

„Даже тлетворный ядъ, данный во-время, въ известной дозѣ, служитъ цѣлебнымъ средствомъ.“

Намъ снился странный, чудесный сонъ. Мы видѣли небо, голубое небо, подернутое тонкими, едва замѣтными облачками. На берегу красавицы — рѣки, на дальнемъ сѣверѣ, стоялъ могучій и густой лѣсъ... Много деревьевъ было въ этомъ дремучемъ лѣсу... Здѣсь были и столѣтніе гигантскіе дубы, гордо и покровительственно взиравшіе на весь миръ, были и трескучія березы, легкомысленно и беззаботно качающія своими густыми верхушками; виднѣлись мрачныя сосны и ели; угрюмо стояли зловѣщія осины, деревья съ тудинымъ прошлымъ, и много другихъ лѣсныхъ породъ промелькнуло передъ нашими глазами. Всѣ они имѣли могучій и величественный видъ, всѣ они были красивы и ярки по своимъ краскамъ, но всѣ они были бездушны въ своей кичливой, холодной красотѣ, всѣхъ ихъ окутывала мертвая лѣсная глушь, заграждавшая отъ нихъ солнце... Да они и не стремились къ нему! слишкомъ много вѣковъ простояли они такъ, вдали отъ солнечнаго свѣта, слишкомъ ужъ они свыклись съ окружающей ихъ мракомъ... Рядомъ съ ними мы увидѣли молодья деревца... полныя жизни, энергіи, полныя свѣтлыхъ надеждъ... Они не жались къ старымъ деревьямъ, не хранили того ледянаго молчанія, какое царило среди ихъ отцовъ: они капризно тянулись впередъ, за лѣсную чащу... ближе къ солнечному свѣту, завидуя тѣмъ, кто стоялъ на опушкѣ. И было чему позавидовать! Облитая ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ опушка имѣла фантастическій видъ... Молодые вѣтви трепетали отъ избытка тепла и свѣта, корни разрослись, могуче расширяя землю, молодые листочки играли лучами и радостно шелестѣли. Хоръ птичекъ восторженно щебеталъ въ освѣщенныхъ вѣтвяхъ... съ опушки неслась дивная, святая пѣснь о свободѣ... А сосны хмури-

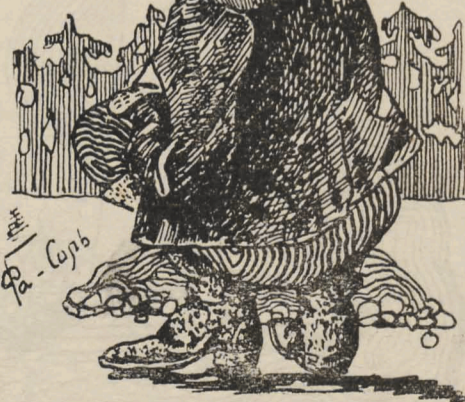
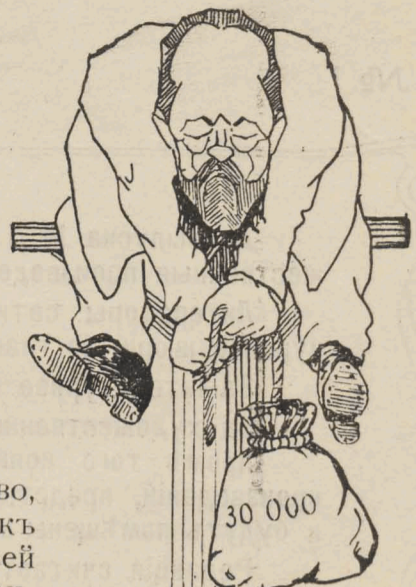
Дурново и Стаховичъ.

лись... дубы сердито помахивали могучей листвою, стараясь заглушить хоръ крылатыхъ пѣвцовъ, но все было напрасно. Громко и торжественно неслась дивная пѣснь, звуки ея проникали въ лѣсную глушь... Молодые деревья встрепенулись... Ревниво слѣдили за ними старья деревья, съ ужасомъ взирая на опушку, а дивная пѣснь разлилась уже по всему лѣсу: молодой лѣсъ пѣлъ священный гимнъ свободѣ! Мы старались узнать, откуда льются эти чарующіе звуки... Мы взглянули на опушку и... замерли... Точно облитое золотомъ, въ роскошномъ зеленомъ нарядѣ, у самого края

опушки, стояло странное, неизвѣстное намъ, дерево, полное мощи и таинственной прелести... Оно какъ бы горѣло и не сгорало. Отъ его молодыхъ вѣтвей шли новые и новые побѣги... Точно могущественный волшебникъ стояло это чудное дерево подъ лучами солнца, испуская чарующій свѣтъ и сверкая, какъ искра, на опушкѣ лѣса. А солнце ласково и любовно пригрѣвало его лучами... Къ нему тянуло всѣхъ, неотразимо влекло... Что-то чистое, хорошее чувствовалось въ его могучей и дивной красотѣ... что-то отрадное сулили его молодые побѣги... И къ нему стремились!... Пѣвчія птицы покрыли всѣ его вѣтви, оглашая воздухъ звуками священнаго гимна... Къ нему тянулись сосѣднія молодые деревья, безсознательно простирая впередъ свои юныя вѣтви... Къ нему взывалъ весь молодой лѣсъ, заботливо укрытый отцами отъ солнца... Таинственное дерево посылало свои чудодѣйственныя искры... Искры неслись по всѣмъ направлѣніямъ... гасли... и снова загорались... Лѣсъ перерождался... Искры летѣли по всему лѣсу, пропитанныя чудотворнымъ ядомъ, ядомъ... свободы. Гордо подымались поникшія головы молодыхъ сосенъ и березъ, властно выпрямлялись молодые дубы и даже старый лѣсъ дрогнулъ... Что-то похожее на сознание промелькнуло въ его чащѣ, но только промелькнуло... и погасло! „Анчаръ идетъ, анчаръ!“... въ страхъ шепчутъ старыя пожелтѣвшіе дубы и березы, растерянно озираясь по сторонамъ и прикрывая листвою своихъ дѣтей въ надеждѣ защитить ихъ отъ древа яда... Но чудодѣйственный ядъ уже сковалъ вѣтви ихъ дѣтокъ и тщетно зываютъ къ нимъ отцы: молодые дубы съ презрѣніемъ и злобой отстраняются отъ ихъ объятій и тянутся къ свѣту... гдѣ занимается заря освобожденія, заря долгожданной свободы!... Ядъ разливается по жилкамъ и корнямъ, переходитъ отъ одного дерева къ другому, а Анчаръ неуклонно продолжаетъ свой смѣлый, честный путь, и ничто въ мѣрѣ не побѣдитъ его чудодѣйственной силы, его дивнаго яда... свободы. Счастливаго же пути, Анчаръ!

Премировано.

Шетеревъ.

Графъ Витте, Гапонъ, Матюшенскій.

Березы чуткія
 Во мглѣ синѣющей,
 Бѣлы, бѣлы.
 Вотъ волны жуткія
 Мнѣ душу грѣющей
 Вечерней мглы.
 Вотъ день кончается,
 Одинъ до вѣчности
 Доплывшій день.
 Вверху качается
 Тѣнь безконечности,
 Ночная тѣнь
 Вотъ холодъ носится
 Волной звенящею,
 А мнѣ тепло.
 Вотъ тьмой мертвящею
 Ночь въ душу просится,
 А мнѣ свѣтло.
 Ночь позабавится
 Надъ жизнью слабою
 Мильономъ глазъ.
 День съ ночью справится,
 Съ ея отравою,
 Въ который разъ!
 Съ мечтой угрюмою
 Иду я, думаю:
 Зачѣмъ я здѣсь?
 И слышу пѣніе,
 Небесъ величіе:
 — Вотъ мѣръ. Онъ весь.—
 А я — великое,
 Я — полудикое
 Иду — молчу.
 Вотъ вѣтеръ носится,
 Богъ въ душу просится
 — Его хочу.

И. Руквишниковъ.

Тяжелыя думы.

Какъ тяжело жить, когда свободной
 Намъ жизни скоро не видать,
 Когда вопли всѣхъ правъ народныхъ
 Намъ врядъ при жизни отстоять?
 Жить въ вѣчномъ мракѣ... подневольно
 Терзаться, мучиться страдать...
 Нѣтъ больше силъ... ужъ слишкомъ
 больно...
 Людскія слѣзы наблюдать...
 Вотъ гдѣ— единственное право,
 Какое намъ сохранено:
 Служить мишенью для забавы —
 Намъ въ этой жизни суждено...
 Но, можетъ быть, наступитъ время,
 Къ которому стремились мы:
 Взойдетъ посѣянное сѣмя —
 И люди вырвутся изъ тьмы.
 Исчезнетъ рабство, и свободы
 Въ удѣлъ достанутся людямъ;
 Пройдутъ житейскія невзгоды,
 Столь ненавистныя всѣмъ намъ.
 Погибнетъ царство злого мрака,
 Взойдетъ заря пяти свободъ,
 И смѣлый гимнъ надъ нашимъ прахомъ
 Свободѣ будетъ пѣть народъ.

Лемонъ.

Мирные обыватели.

Это: подвижныя мишени для производства
 опытовъ съ орудіями, удовлетворяющія требо-
 ваніямъ новѣйшей техники пристрѣлки
 орудій, ружей, пулеметовъ и револьверовъ.

Въ альбомѣ П. Н. Дурново.

Украшаютъ тебя „добродѣтели“,
 До которыхъ другимъ далеко,
 И беру небеса во свидѣтели,
 „Уважаю“ тебя глубоко.

Некрасовъ.

Не тѣснишь ты почтовыхъ чиновниковъ,
 Не вороешь казенный овесъ;
 Ты— феноменъ среди всѣхъ сановниковъ,
 Ты— „герой“ нашихъ дней, нашихъ грѣзъ.

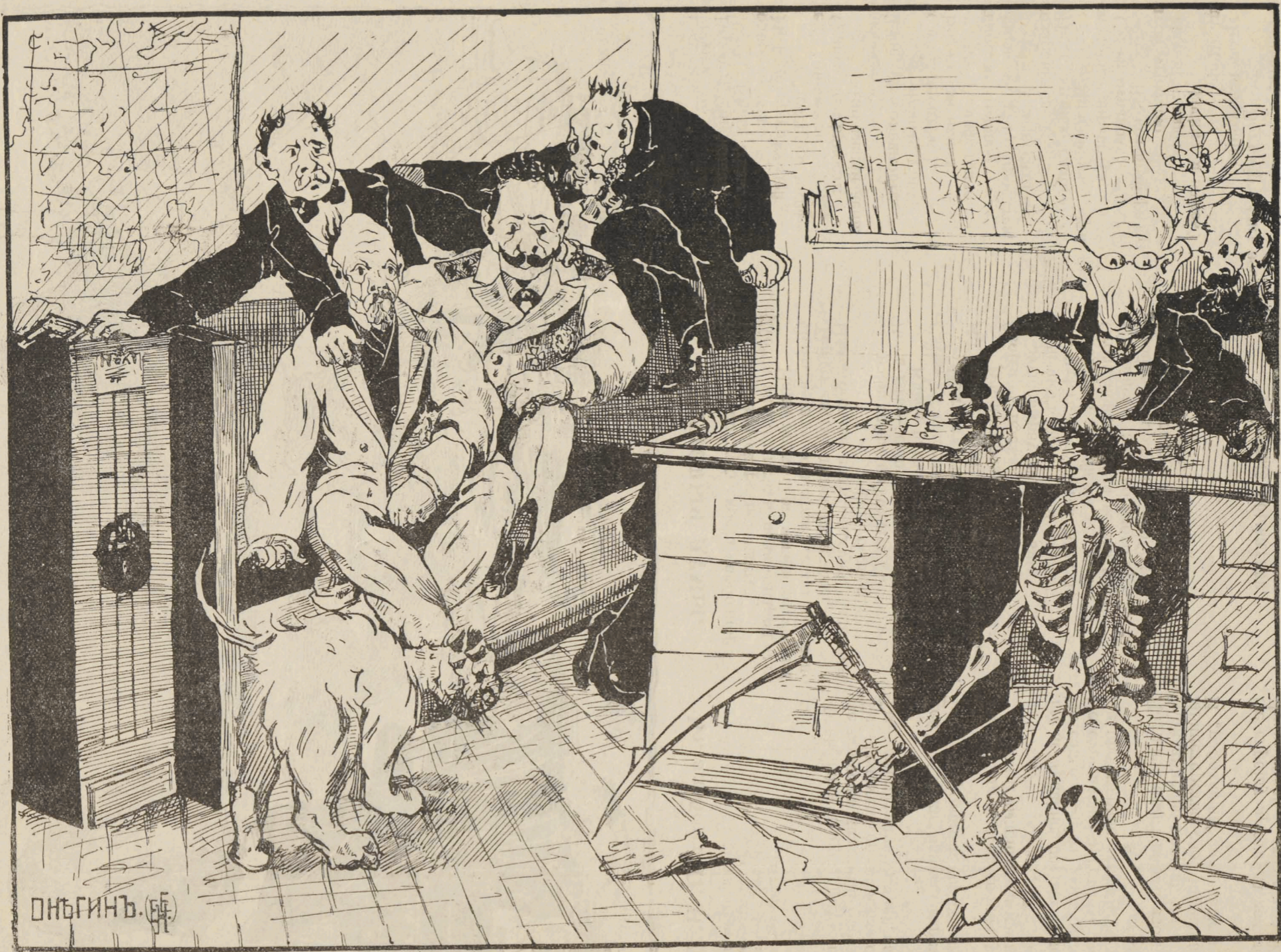
Тебѣ „близки“ народа стремленія,
 Ты— „сторонникъ“ всѣхъ правъ и сво-
 бодъ,
 Ты, мой „другъ“, по своимъ убѣжденіямъ,
 Самый пылкій средь насъ „патріотъ“.

Ты не травишь народа казаками,
 Не сажаешь и въ тюрьмы людей;
 Не стращаешь арестомъ и плахами,
 Не преслѣдуешь свѣтлыхъ идей.

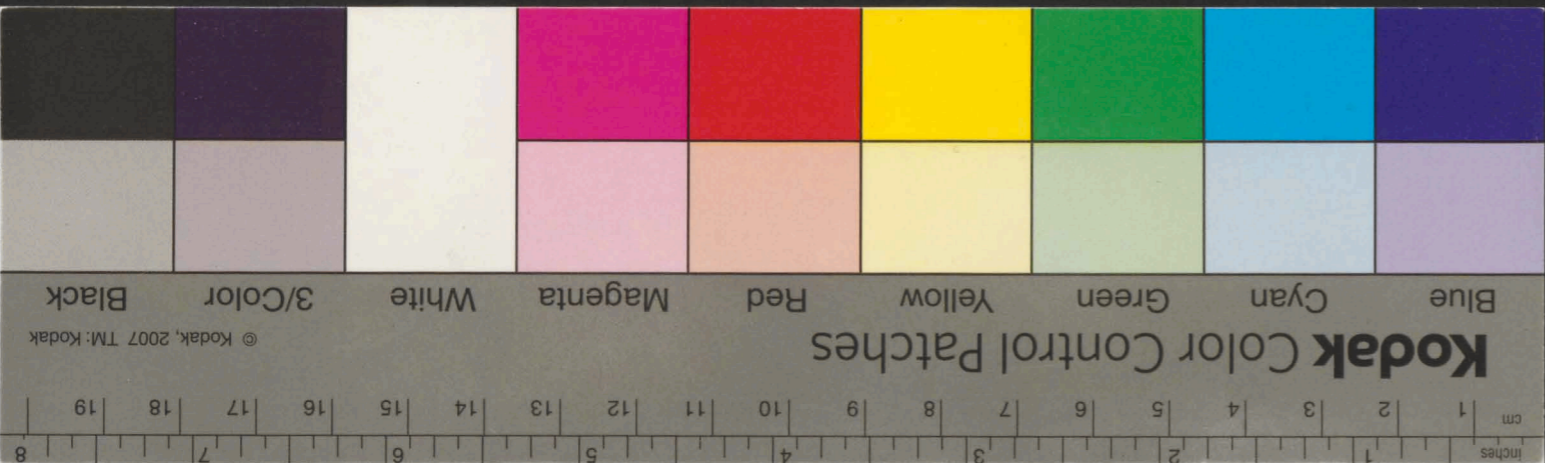
Полицейскихъ чиновъ избѣгаешь ты,
 Жандармерию гонишь ты прочь;
 Министерство свое проклинаешь ты
 И „работаешь“ дни, даже ночь.

Не спрошу я, откуда явились
 Луки крови и слезы людей.
 Знаю: съ неба онѣ къ намъ свалились,
 Ты же самъ и ягненка смиришій.

Сатирикъ.

Совѣтъ нечестивыхъ.

Гнѣвъ Божій.

Терпѣль, терпѣль бѣднякъ-мірянинъ
 Безправья тяжкій произволъ
 Порогъ и земскій, драгъ и баринъ
 Мужикъ съ ума чуть не сошелъ.
 И вдругъ свободъ четыре дали!
 Ужъ не подвохъ ли? Какъ понять?
 Но тутъ же ихъ отъ насъ отняли
 И снова стали притѣснять.
 Пошли допросы, порки, пытки;
 Забрали хлѣбъ, уводятъ скотъ
 Мірянъ ограбили до нитки
 И взвыль крестьянинъ отъ невзгодъ:
 „О Богъ Всесильный, Свѣточъ Славы
 Отъ злого рока насъ спаси! . . .
 Пронесъ Ты крѣпостное право
 Такъ и „слободы“ пронеси!

Голубой.

Въ рѣчи, обращенной къ солдатамъ,
 начальникъ одной войсковой части,
 между прочимъ, сказалъ: — „Слово
 „соціалъ-демократъ“ — нѣмецкое, по
 русски оно значитъ: бунтовщикъ, раз-
 бойникъ, а по китайски: — хунхузъ.“

Интересно было бы знать, какъ бу-
 деть въ переводѣ этого военачальника
 на русскій языкъ слово „провокакторъ“,
 — вѣроятно, ангель, герой или что-ни-
 будь подобное . . .

Голдобинъ.

**Смѣта
 НА БОЛЬШУЮ КОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
 „Гурьевская каша“,
 издаваемую при русскомъ государствѣ.**

I. РАСХОДЪ.

Жалованье старшему дворнику, надзирающему за уборкой всѣхъ отдѣловъ газеты	24.000 р.
Жалованье 20 младшимъ дворникамъ, наскребывающимъ статьи для отдѣловъ газеты	240.000 „
Жалованье лакею, пишущему политическія передовицы	18.000 „
Жалованье капельдинеру, пишущему рецензіи	12.000 „
Жалованье сыщикамъ и городовымъ, доставляющимъ свѣдѣнія	100.000 „
Стулья	6.000 „
Лѣченіе геморроя	49.999 „
Чай	25.000 „
Бутерброды	50.000 „
Здравый смыслъ	1 „
Всего	600.000 р.

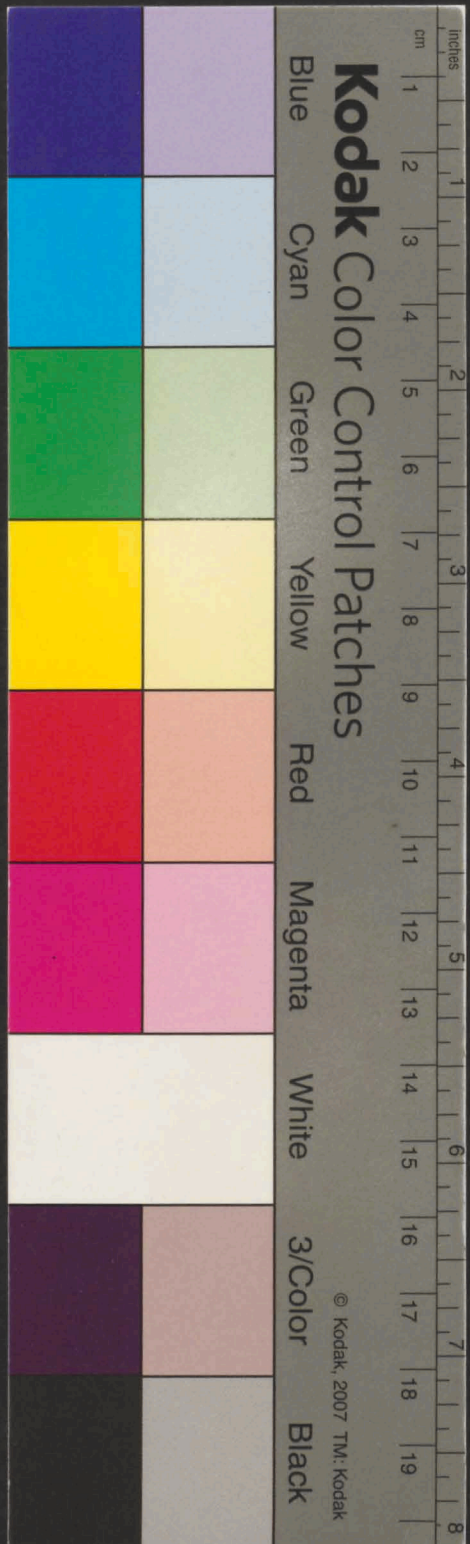
II. ПРИХОДЪ.

Отъ подписки	8 р. 50 к
Отъ налоговъ, податей, сборовъ и т. п.	591.000 „ 50 „
Всего	600.000 р. — к.

„Утверждаю“
 За премьеръ — министра,
 Дерниеръ — министръ,

— А, повидимому, наши министерства не въ ладу живутъ одно съ другимъ.
 — А что?
 — Да какъ же, надняхъ юстиція розыскиваетъ посредствомъ газетъ Павлоакія Крушевана, а кажись чего бы проще справиться въ мни. внутр. дѣлъ.

Куликъ.

(Къ рис. „Сказочка“.)

Какъ на островѣ Буянѣ,
Гдѣ о доблестномъ Салтанѣ
Не слыхать уже давно,
(Впрочемъ это все равно)
Развеселый графъ сидитъ,
„Братцамъ“ сказки говоритъ;
Сладко, складно и красиво,
Остроумно и игриво,
Прямо сущая потѣха!...
Даже куры мрутъ со смѣха...
Что твоя Шахеразада?
Лучшихъ сказокъ и не надо.
Удалось какъ-то мнѣ
Сказки всѣ подслушать тѣ.
Только стану вспоминать,
Начинаю хохотать.
Въ нихъ сплелася ложь красиво
Съ небылицей, какъ на диво, —
Только правды въ нихъ, бѣда,
Не найти вамъ никогда.

Нашинъ Пензякъ.

Крестьяне - делегаты у С. Ю. Витте.

(Пародія на стих. Апухтина: „Сумасшедшій“).

„Садитесь, — я вамъ радъ.“
„Откиньте всякій страхъ и вѣрьте мнѣ
свободно...“
„Я этого хочу. Вы знаете, на-дняхъ
Мы „обѣщали“ снова всенародно?
„Но знаете-ли что? смущаютъ мысль мою
Всѣ эти митинги, собранія, свободы...“
„Я день и ночь ищу исхода
И до сихъ поръ его не нахожу!
„Какъ вамъ *теперь* понравилась столица?
„Вы изъ далекихъ мѣстъ? А впрочемъ,
ваши лица
„Напоминаютъ мнѣ знакомыя черты...“
„Какъ будто я видалъ, именъ еще не
зная,
„Васъ гдѣ-то: въ крѣпости, а можетъ
и... въ части...“
„Ахъ, „братецъ“ Глѣбоко, — это ты! О
какъ я радъ!
„И Климовъ! здравствуй, милый „братъ“!
„Вы не повѣрите, какъ хорошо мнѣ съ
вами,
„Какъ мнѣ легко теперь... Но что съ
тобою, другъ?
„Ты все молчишь... Неужли недоволенъ
нами?
„Брось, „братецъ“, перестань: *все сдѣ-
лаемъ съ годами!*
„Я васъ спасу, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
„Но подожди, имѣй терпѣнье!
„Я тоже терпѣливъ... *(начинаетъ заго-
вариваться)*
Я очень терпѣливъ... Но все-таки за
что?
Въ чемъ наше преступленье?
Что дѣдъ мой — монархистъ, что бюро-
кратъ отецъ,
Что этимъ призракомъ меня пугали съ
дѣтства,
Такъ что-жъ изъ этого? Я могъ же,
наконецъ,
Не получить его въ наслѣдство!
Вѣдь жили-жъ до сихъ поръ мы дружно,
Хорошо, и все намъ улыбалось...
Какъ это началось? — Да, въ январѣ,
зимой,
Рабочіе на площади собрались...
Съ иконой шли, съ молитвой и крестомъ,
И что-то говорить пытались...
И вдругъ... мнѣ показались... казаки...

Много мелькало ихъ тутъ...
Помню, до самой рѣки
Пули свершали маршрутъ!
Онъ лишь подниметь ружье,
Къ ложу головку приклонитъ,
И уже пуля таё...
Пару рабочихъ уронитъ...
Я изъ окна наблюдаю,
Видѣлъ тѣ лица простыя,
Въ ужасѣ весь трепеталъ,
Слышалъ и стоны глухіе...
Видѣлъ несчастныхъ дѣтей,
Какъ казаки ихъ „снимали“,
Слышалъ и плачъ матерей,
Что надъ дѣтьми тамъ рыдали...
Какъ эти дни тяжелы!
Долго ль я мучиться буду?
Кровь все въ глазахъ, все январскіе
дни...

Красные, грозные всюду...
Видишь: вотъ кровь на стѣнѣ...
Слышишь? течетъ по панели...
Вотъ, подползаетъ ко мнѣ...
Руки мои охладѣли!...
Видишь рабочихъ въ крови?
Вонъ, тотъ грозитъ мнѣ рукою!...
Слышишь: смѣются они...
Ахъ... что мнѣ дѣлать съ собою?!

(Приходитъ въ себя и видитъ делегатовъ).
Однако что же вы хотите отъ меня?
Какъ смѣете не вѣрить вы Совѣту,
Его трудовъ полезныхъ не цѣня?
Довольно вамъ мои пороги обивать
И подавать совѣты мнѣ, премьеру:
Я знаю самъ, что нужно предпринять,
А вамъ рекомендую... *вѣру!*
Вы знаете меня. Я не за казни,—нѣтъ!
Я только за терроръ!
Вы скажете, что это вздоръ.
Но я вамъ поясню: у насъ теперь одинъ
исходъ:
Пусть революція въ борьбу вступаетъ
съ нами,
А тамъ увидите, къ чему все это при-
ведетъ!...
И можетъ быть, при помощи Мессіи;
Я и найду секретъ спасенія Россіи:
Т—ій.

— Почему народное представительство
названо Думой.

— Потому что правительство какъ
слѣдуетъ „подумаетъ“ надъ тѣмъ, кого бы
выбрать.

Между выборщиками.

— Пожалуйста, м. г. не выбирайте меня
въ выборщики.
— Да вѣдь мы на васъ надѣемся! По-
чему же?
— Я не хочу, чтобы завтра меня аре-
стовали.

Старыя пословицы Даля.

(перепечатано изъ „Пословицъ русскаго народа“, т. I, изд. Вольфа, 1905 г.).

— Попъ съ капиломъ, а чертъ съ рогатиной.
— Лоскутъ на воротъ, а кнутъ на спину.
— Спереди — блаженъ мужъ, а сзади — вскую
шаташася!
— Рабочій конь на соломѣ, а пустошася на
овсѣ.
— Чудилось, что праздникъ — а нѣ это поплъ
дрознитъ.
— Сильны временщики, да не долговѣчны.
— Мѣди рубль — да бумажекъ съ пудъ.
— Была правда у Петра и Павла (въ застѣнкѣ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

— Найдите мнѣ пять словъ, окончиваю-
щихся на „ли“, которыя могли бы иллюстриро-
вать наши свободы.
— Извольте. — Задержали, обыскали, аре-
стовали, конфисковали, закрыли, привлекли,
осудили, посадили, расстр...
— Довольно, довольно!

Мы слышали, что администрація предложила
всѣмъ содержателямъ типографій по роскош-
ному „гороховое пальто“ взаменъ услуги съ
ихъ стороны. — не печатать „кромольную ли-
тературу“, или доносить о ней.
Какъ слышно, типографы съ благодар-
ностью отклонили это любезное предложеніе.

Шутки.

Сановные любители „подарковъ“ иногда
засѣдаютъ надъ арками... сената и синода.

Проиграешь ставку, — отъ ставки оста-
нется одна отставка.

Ну ка, миленькій мой графъ,
Покажи мнѣ *параграфъ*,
По которому возможно
Бить, сажать, стрѣлять безбожно!

Витте: Говорятъ, что у нашей бюро-
кратіи нѣтъ творчества, Это неправда. Я
былъ просто Витте, а теперь сталъ графъ
Витте.

Въ раздумьи.

Сяду я за столъ,
 Померекаю,
 Какъ зачахъ, ушелъ
 Въ бездну нѣкую
 Приказной режимъ
 Бюрократии,
 Сыскъ и иже съ нимъ,
 Всяка братія . . .
 Какъ изжитый строй
 Въ ломъ назначили,
 Да народъ честной
 Околпачили . . .
 Какъ гражданскихъ правъ
 Медомъ мазали,
 Отъ трудовъ уставъ
 Въ души лазили . . .
 Какъ цензурный гнетъ
 Уничтожили,
 И казны доходъ
 Приумножили . . .
 Какъ свободъ nouveaux
 Дали дюжину,
 И потомъ того . . .
 Поутюжили . . .
 Сяду я за столъ,
 Померекаю,
 Какъ „прижимъ“ ушелъ
 Въ бездну нѣкую . . .

Ф. К.

Сказка про
бѣлаго бычка.

„Вотъ задача. —
 Разрѣшите!
 Чуть не плача
 Шепчетъ Витте:
 Чтобъ разлады
 Успокоить —
 Тюбмы надо,
 Понастроить . . .
 Но для тюремъ
 Нѣтъ ни цента,
 На сигъхъ курамъ
 Грошъ — за ренту . . .
 И кредита
 Ни сантимата:
 Нѣмцы, бритты
 Шепчуть: „Мимо“!
 А французы
 (Въ ротъ имъ каши)
 „Узы, узы“ . . .
 Сами — взапой . . .
 Я имъ слово:
 — Удостоите!
 Тоже снова:
 „Успокойте“!
 Вотъ такъ штука,
 Шепчетъ Витте.
 Братцы ну-ка
 Разрѣшите!

Ф. Т. К.

Дума.

(Басня).

Надѣлавъ очень много шуму,
 И звѣри порѣшили думу
 Собрать; —
 Пошли повсюду кривотолки
 И перегрызлись всѣ, какъ волки,
 И не могли никакъ понять:
 Кого имъ въ думу избирать?
 Я вамъ описывать не стану
 Звѣриный митингъ и поляну,
 Гдѣ, прежній позабывши страхъ,

Всѣ толковали о дѣлахъ.
 Орали громче всѣхъ безъ мѣры
 Друзья, эсь—дэки и эсь—эры, —
 Ка—дэты много говорили,
 Пустивъ въ глаза изрядно пыли;
 И выдѣлялися въ толгѣ
 Свирѣпымъ видомъ П. П. П.
 И стало ясно, что теперь
 Примкнулъ къ партійной жизни звѣрь.
 И такъ здѣсь долго толковали,
 Свободно разныхъ львовъ ругали,
 Мечтали тигровъ всѣхъ унять
 И не давать имъ управлять.

Дошли едва-ли не до драки, —
 Вдругъ показались казаки . . .
 Сверхъ ожиданья,
 Увидѣвъ бурное собранье,
 Они здѣсь показали прыть,
 Успѣвъ звѣрей всѣхъ перебить.
 И такъ среди грохота и шума
 Звѣриная погибла дума.

Мораль сей басни такова:
 Свободы всѣ — одни слова, —
 Ты ими, другъ, не увлекайся.
 Молчи «втроемъ не собирайся» . . . Эзопъ.

„Грѣшники“.

Зашлутались люди грѣшныи,
А дороги не показывай,
Закричать: — давай намъ здѣшнее,
О небесномъ не рассказывай!...
Блудъ да рѣчи богомерзкия,
А „посты“ не почитаются:
Ужъ чего... отъ министерскаго
Всѣ бѣгутъ и отрекаются!

К—къ

Кто они?

Ихъ только два,
Ихъ всякій знаетъ.
О нихъ молва
Не умолкаетъ.
Одинъ встрѣчая
Всѣ очаруетъ,
Наобщаетъ
И поцѣлуетъ.
Другой же, въ „стиль“
Совсѣмъ отличномъ,
Не любитъ пыли
Пускать публично.
Глазкомъ замѣтитъ,
Гонимъ спровадитъ,
Безъ шума встрѣтитъ,
Да и посадитъ.

— икъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Письма хунхуза.

(Перехвачены во время почтово-телеграфной забастовки и доставлены въ редакцію „Анчара“ почтальономъ т. сов. М. Артенсомъ).

1.

Повелитель моего тѣла, другъ и братъ,
славный Саль-О-Сгубъ-Дуй!

Простишь-ли мое дерзновенное попользование утруждать тебя моими письмами? Я, червь изъ червей, рабъ и грязное животное осмѣливаюсь писать къ тебѣ, пресвѣтлѣйшему хунхузу, источнику справедливости и милосердія! Столь вопиющее мое преступленіе заслуживаетъ, чтобы ты немедленно разстрѣлялъ меня. Но ты, великодушный другъ, простишь меня и ограничишься лишь тѣмъ, что, прочитавъ мой жалкій и полныя каракули, повѣсишь мое тѣло на два часа передъ окнами своей фанзы...

Воздавъ должное китайскимъ церемоніямъ, переходя къ описанію моего отъѣзда изъ благословенной Хунхузи въ варварскую Москву.

Послѣ того, какъ гиричскій дзьянь-дзюнь далъ мнѣ пятьсотъ ударовъ бамбуковыми палками въ вознагражденіе за зарѣзаннаго мѣрнаго китайца, я понялъ, что рѣзать безнаказанно нельзя, а такъ какъ склонность ко всякаго рода кантрамъ меня не покидала, то я рѣшилъ переселиться въ Россію. Ты, о сынъ неба, поймешь мои чувства! Моей хунхузской душѣ стало тѣсно на берегахъ Сунгари. Интендантскіе чиновники, русскіе мандарины, купезы и харбинскія мадамы рассказывали мнѣ, что на берегахъ Невы хунхузы не преслѣдуются. Свобода меня манила! Нѣмецкій генералъ Ренненкампфъ, однажды, сказалъ мнѣ, что русскіе примутъ въ объятія всякаго хунхуза, потому что петербургскіе и прочіе большіе города мандарины намѣрены учредить войско хунхузцевъ, предназначаемое для расширенія и поддержанія въ странѣ свободы на самыхъ что ни есть зыблемыхъ началахъ. Я еще не зналъ, какія-это „зыблемыя начала“ и полагалъ, что русское слово „зыблемость“ происходитъ отъ глагола „арестовать“...

Большой капитанъ земли русской, сіятельный О-Вить-Е-Враль вернулся въ то время изъ Америки, гдѣ онъ заключилъ блестящій миръ съ японцами. Секретарь мукленскаго тифангуана рассказывалъ мнѣ, что маркизъ Комура согласился принять Сахалинъ при условіи, что русскіе мандарины займутся насажденіемъ свободы. Ученый хунхузъ, Ме-Щер-Скій, издававшій въ Цицикарѣ газету „Обыватель“, увѣрялъ, что отъ насажденія свободы вырастутъ розги. Я, однако, не испугался и, ограбивъ транспортнаго начальника, впаваго въ безпамятство отъ выпитаго ведра шампанскаго, попросился съ друзьями русскими капитанами Мейендорфомъ, Бильдерлингомъ и Штакельбергомъ и сѣлъ въ поѣздъ. Генералъ Куропаткинъ, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, послалъ со мной еще одну, кажется послѣднюю, телеграмму съ донесеніемъ, что въ Маньчжуріи наступила осень.

Бюрократы навязали.

А дѣвушка капитанъ Лиевичъ просилъ передать о желаніи его продолжать войну съ японцами, чтобы отдать имъ Харбинъ и Владивостокъ.

Хотя въ наследство отъ транспортнаго чиновника мнѣ досталось нѣсколько фунтовъ золота, но я предпочелъ вѣхать бесплатно. Начальники поѣздовъ, называемые по русски ревизорами, контролерами и кондукторами, приняли отъ меня подарокъ, который называется „халтурой“ и назвали меня „зайцемъ“. Признаюсь, мнѣ, благородному хунхузу, было неловко именовать себя зайцемъ, но когда я увидѣлъ массу другихъ зайцевъ и повялъ, что заячьи наклонности присущи русскимъ человѣкамъ, то успокоился и благополучно проѣхалъ по великому сибирскому пути.

Попуту я останавливался въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ. Здѣсь я встрѣчалъ многихъ мужичинъ, женичинъ, дѣвухешъ, и дѣтей, высланныхъ изъ Россіи за принадлежность къ преступнымъ политическимъ партіямъ. Насажденіе свободы, сказали мнѣ, уже началось и первой выросла свобода свободаго передвиженія изъ мѣстожительства въ мѣста отдаленныя, причемъ передвигаются совершенно свободно, т. е. на собственныхъ ногахъ. Я запомнилъ наименованія нѣсколькихъ партій. Вотъ онѣ: „С. И. Р. Л.“ — „скоты и разбойники лизоблюды“, „П. П. П.“ — „пахнетъ порядочной поркой“, „С. 17. О.“ — „сотвори 17 обмановъ“, „К. Д.“ — „куцые дворяне?“, — „С. С.“ и т. д. Партій очень много. Партіи „С. И. Р. Л.“ я предложилъ боксерскій уставъ, который она приняла съ благодарностью.

Пріѣхавъ въ Москву я хотѣлъ обстричь свою косу, но всѣ парикмахерскія оказались закрытыми. Хотѣлъ пообѣдать — закрыты рестораны! На Тверской я встрѣтилъ стариннаго друга, много лѣтъ уже проживающаго въ Россіи, командовавшаго когда-то въ Печилійской провинціи отборною хунхузской шайкой Дубъ-А-Са. Онъ рассказалъ мнѣ, что, потопивъ въ Желтомъ морѣ нѣсколько джонокъ и пріобрѣтя такимъ образомъ нужнѣйшій флотскій опытъ, переселился въ Москву и такъ быстро пошелъ въ гору, что началъ топить не только джонокъ, но и цѣлыя броненосцы. А если самому не удавалось топить, то училъ этому другихъ — „Скажи, великій воинъ-потопитель, почему Москва имѣетъ такой видъ, какъ будто побывалъ въ ней пресвѣтлой памяти Гамерланъ?“ спросилъ я Дубъ-А-Са. — „Ахъ, глупый хунхузъ, — отвѣчалъ онъ: — сразу видно что ты не привыкъ еще къ здѣшнимъ порядкамъ! Такое

Сила черной литературы.

Часъ таинственный полночи,
Сладкій часъ покоя, сна...
Вдругъ... стучать въ дверь что есть мочи...
Кто тамъ: воръ иль сатана?..
Шайка грозная ввалилась
„Русскихъ (истинно) людей“,
На иконы помолвились
„Патріоты“ нашихъ дней.
„Генералъ“, Кузьма Чубарый,
Тутъ револьверъ мнѣ въ високъ,
Эсаулъ Юнецъ — Полжарый
Закричалъ, камъ только могъ:
— Ты подкапывалъ основы,
„Уронить весь строй хотѣлъ?!“
— Я не могъ сказать ни слова
И отъ ужаса нѣмѣлъ.
— Ты людей крайнихъ націй
Ввелъ въ преступный заговоръ?!...
Тутъ я кипу прокламаций
Черносотенныхъ простеръ.
„Генералъ“ прочелъ нескладно:
„Святъ старинный русскій строй...
„Жги и бей жидовъ нещадно...
„Шли казаковъ на постой...“
— Ты ходилъ подъ краснымъ флагомъ;
Ты просилъ наукъ, свободу?!“
Я — другой листъ: „Вышшимъ благомъ
„Православный мы народъ
„Ждемъ пріятъ вѣнецъ мученій
„Мы за родину свою,
„За святыхъ отцовъ ученье,
„И за миръ въ родномъ краю“
„Самой скромной я природы;
„Причащался Божіихъ тайнъ,
„Врагъ наукъ, свободу, культуры,
„Автономіи крайнихъ“
Успокоился Чубарый,
И Кузьму онъ отпустилъ,
Но съ Кузьмы пиджакъ снялъ старый
И съ собою прихватилъ.

Голубой.

состояніе города называется забастовкой.“ — „И часто бываютъ забастовки? — Такъ часто, что всѣ удивляются, когда ихъ нѣтъ.“ — „Но чѣмъ-же живутъ люди, которые бастуютъ?“ — „О нихъ заботится правительство. Ихъ сейчасъ-же сажаютъ въ тюрьмы, что и называется свободой личности.“

Я очень обрадовался, услышавъ такое объясненіе. „Ч. Х. Л. К. Х. С. К. Ф.“ („чего хотѣть люди, которые ходятъ съ красными флагами“), — такъ называется партія, основателемъ которой состоитъ ученый мандаринъ Дем-чи-нскій, основавшій также партію „Д. Н. П. В.“ („держитъ носъ по вѣтру“) — итакъ „Ч. Х. Л. К. Х. С. К. Ф.“ рассказывали мнѣ о свободѣ личности, нѣчто ужасное. Понимаешь-ли, премудрый Сало-Сгубъ-Дуй, что они подѣ личной свободой подразумеваютъ такой актъ, когда нельзя самовольно сажать людей въ клоповники!! Моя хунхузская натура не могла примириться съ такой свободой, но добрый Дубъ-А-Са успокоилъ меня. Я отъ его словъ почувствовалъ себя снова въ Хунхузи!

По дорогѣ отъ Москвы до Петербурга вездѣ встрѣчалъ отряды войскъ. Мнѣ сказали, что первый министръ Россіи Дурной-Во началъ войну съ внутренними врагами. Никто мнѣ не могъ объяснить, что за птица внутренней врагъ. Помогъ жандармъ. Когда я спросилъ его, что такое „внутренній врагъ“, онъ ударилъ меня по той части головы, которую русскіе называютъ мордой, и закричалъ: „ты самъ внутренний врагъ, коли не знаешь! проходи, а то пристрѣлю!“

Въ Петербургѣ на вокзалѣ меня прежде всего обыскали. Напрасно я кричалъ, что везу рекомендательныя письма, что я благонамѣренный хунхузъ, пріѣхавшій опредѣлиться на службу! Подъ косою у меня искали складъ динамита. Раздѣли до ноги и когда отъ страха у меня въ желудкѣ началось урчаніе, то рѣшили что я везу пулеметы. Изъ кармана курмы вытащили ножикъ для вырѣзыванія мозолей и назвали его холоднымъ оружіемъ. Потомъ связали, дали въ шею и сказали: „Ступай, чертовъ сынъ, агитаторъ! Въ участкѣ разберутъ, какой ты всамомдѣлшій хунхузъ!“

Черезъ четверть часа я былъ въ клоповникѣ. Несмотря на недоразумѣніе я былъ очень радъ, такъ какъ обращеніе со мной правительственныхъ чиновниковъ напоминало мнѣ служителей родного дзьянь-дзюня. Я сразу почувствовалъ себя на родинѣ.

Твой нижайшій слуга и подражатель хунхуза Кара-Н-Голь.

(Продолж. слѣдуетъ).

Браунингъ.

Индійская легенда о золотомъ голодѣ.

Многія тысячи вѣковъ тому назадъ Индія была самой богатой страной въ мірѣ. Великій Брама заповѣдалъ индусамъ принципы любви и гуманности и въ награду за исполненіе этихъ завѣтовъ наполнилъ золотомъ цѣлый горный хребетъ, расположенный на востокъ страны. Индусы добывали изъ этихъ горъ ежегодно несмѣтныя богатства.

Золото, какъ Божій даръ, данный всей странѣ, считалось собственностью государства. Каждый индусъ, добывающій его, обязанъ былъ сдавать металлъ въ правительственные склады, и получалъ на руки только нѣкоторую часть стоимости въ уплату за свою работу . . .

Страна очень скоро разбогатѣла.

Монастыри браминовъ, въ которые стеклись со всѣхъ сторонъ пожертвованія за неисчерпаемую благодать великаго Брами, были похожи на роскошные дворцы восточныхъ царей. Въ погребахъ нѣкоторыхъ изъ монастырей хранились цѣлыя груды жемчуга и драгоценныхъ камней, которые монахи измѣряли гарницами, какъ зерно.

Казна государства была еще богаче монастырей.

Для удобнаго обращенія золота между индусами, изъ него чеканились деньги на громадномъ заводѣ, полномъ машинъ и инструментовъ.

Люди были богаты и счастливы . . .

И такъ продолжалось бы долго, но люди мало по малу забыли завѣты Брами, и начали обманывать другъ друга, устраивать набѣги на сосѣднія племена.

Велика милость и терпѣніе Брами! Не одну сотню лѣтъ ждалъ Брама ихъ раскаянія.

Наконецъ возмездіе наступило.

Послѣ безразсудной войны индусовъ съ однимъ изъ маленькихъ сосѣднихъ племенъ, которая была вызвана захватомъ со стороны Индіи части иноземной территоріи, войны, которая въ первый разъ за всю предыдущую исторію Индіи, окончилась позорнымъ поражениемъ, Брама отвратилъ отъ индусовъ лицо свое и наслалъ на нихъ тяжелое наказаніе въ видѣ «золотого голода».

Запасы золота въ государственныхъ складахъ истощились за время войны. Нужно было какъ можно скорѣе пополнить ихъ усиленной добычей металла въ горахъ. Но индусы не хотѣли работать. Народъ почув-

Трилогія.

Дурново:

„Меня, графъ, очень удивляетъ.
„Что ты спокоенъ до сихъ поръ:
„Печать тебя во всю ругаетъ,
„Язвить, болтаетъ всякій вздоръ,
„А ты, газеты всѣ читаешь
„И ничего не возражаешь?
„Къ чему давать такой просторъ?
„Есть полицейскій вѣдъ надзоръ!

Витте!

„О, милый другъ, унять не трудно
„Всѣхъ тѣхъ газетныхъ крикуновъ.
„Но мнѣ, повѣрь, ужъ стало нудно
„И на уступки я готовъ.
„Пустькай меня печать ругаетъ:
„Ей внемлю я „однимъ ушкомъ“;
„Она меня лишь забавляетъ,
„Да и полезна намъ притомъ!
„Вѣдъ сколько цѣнныхъ сообщеній
„Мы почерпнули изъ газетъ!
„Теперь все ясно, нѣтъ сомнѣній,
„Кто—хулиганъ, а кто кадетъ!
„А потому печати можно
„Поблажку маленькую дать!
„Тѣсю ее, но осторожно.
„Чтобы газетъ не закрывать!

Свобод. гражд.

„А я внесу одну поправку:
„Когда общественный вопросъ
„Серьѣзно пресса разрѣшаетъ.
„И Витте—графъ про то узнаетъ,
„То, чтобы дѣло сорвалось
„Онъ оба уха затыкаетъ.

Тетерева

ствовалъ себя сильнѣе правительства, къ которому питалъ старую вражду за несправедливое отношеніе, произволь и насилія. Въсто того, чтобы въ тяжелую минуту помочь власти, народъ всталъ на борьбу съ ней. Было выпущено соотвѣтственное воззваніе. Послѣднее еще болѣе ослабило золотые запасы государственныхъ складовъ.

Предвидя начало «золотого голода», многіе индусы собирали всѣ свои запасы и уѣзжали изъ своей родины, развозя по всей землѣ благодать Брами.

А правительство начало печатать на разноцвѣтныхъ кусочкахъ пергамента не большіе билетки, на которыхъ было написано заявленіе для наивныхъ людей, что каждый билетикъ есть то же самое, что и кусочекъ золота, опредѣленнаго вѣса. Заводъ для производства денежныхъ знаковъ былъ наскоро передѣланъ въ типографію. Въ Индіи вздорожалъ пергаментъ, а чтобы факиры не тратили его на печатаніе своихъ научныхъ изслѣдованій, то печатные станки уничтожались и частныя типографіи закрывались по распоряженію правительства.

Народъ волновался.

За кусочки пергамента только слѣпые и глупые люди отдавали свои золотые запасы, а иностранцы совсѣмъ не давали за нихъ даже серебра.

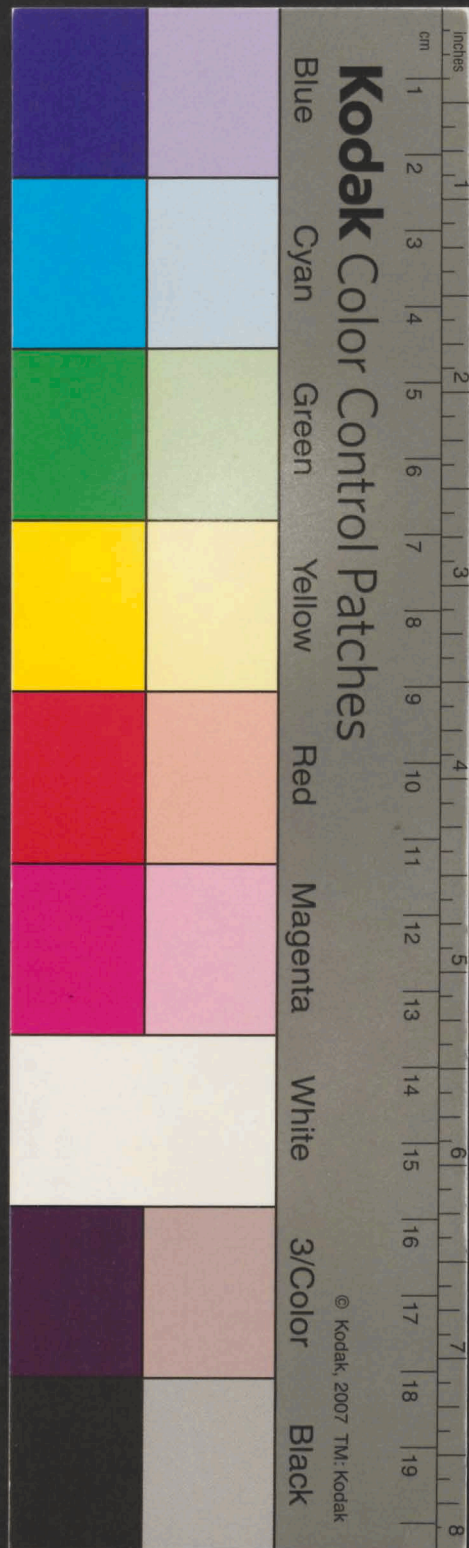
Былъ въ Индіи въ тѣ времена старшій Оберъ-Браминъ по имени Гра-Фи-Тэ, который могъ бы попытаться выпросить что нибудь у иностранцевъ. Прежде онъ славился этой способностью. Но онъ былъ занятъ усмирениемъ вышедшихъ изъ повиновенія индусовъ

Другой-же браминъ, всегда завидовавшій успѣхамъ старшаго, попытался самъ попросить въ займы золота у старыхъ друзей Индіи, но вернулся почти ни съ чѣмъ. Старые друзья Индіи, правда, пожалѣли Брамина, но металла дали только на обратный проѣздъ.

Народъ волновался.

Казенная типографія печатала разноцвѣтные билетки.

Золото-же . . . лежало въ землѣ . . .

P-092584

Осуществление свободы печати с полицейской точки зрения.

Кузьма выбирает...

(Къ выборамъ въ Государственную Думу).

Грамотей Кузьма извѣстный,
Дара рѣчи не лишень,
Заведеть, — народъ гуторить:
„Дѣло, правильно, законъ“ . . .

— Ой, смотри Кузьма, урядникъ
Что-то буркалы косить!
А Кузьмѣ и дѣла мало,
— „А начхать мнѣ“ — говоритъ!

До поры сходило гладко,
Но намедни не того . . .
Обожгла мундиръ „папаша“
Рѣчь о выборахъ его.

Искрой вспыхнула кокарда,
Жаромъ обдало Кузьму . . .
Въ эту ночь впервые, грѣшный,
Ночеваль не на дому . . .

Голодь . . . холодъ . . . Волостное . . .
На полу букеты лозъ,
Пукъ черемухи душистой
И мечтательныхъ березъ.

Очи вскинуло начальство,
Отверзая адъ и рай,
И на лозы указуя
Прогремѣло: „выбирай“!

Съ той поры Кузьма ни шагу
Изъ хибарки. — Заверни!
О японцѣ потолкуетъ,
А о выборахъ ни-ни.

Куликовъ.

Въ редакціи „Русскаго Государства“.

Бутербродная комедія изъ одного блюда.

Дѣйствующія лица:

Бутерброды (стоятъ 9000 р.)
Выѣздъ редактора (стоитъ 3,600 р.)
Опроверженія (стоятъ 600 тысячъ руб.)

Какъ ради нихъ, и вопреки правдѣ созда-
на эта бутербродная газета.

Министры.
Лица безъ ролей:
сотрудники, два читателя
(другихъ пока нѣтъ) и редакторъ.

Кабинетъ редактора. На столѣ 17 бутербродовъ,
которые разговариваютъ между собой.

Бутербродъ съ сыркомъ (хихикая). Знаете ми-
лочки, а вѣдь со мной былъ курьезъ. Слышалъ я,
какъ нашъ секретарь, который „грибъ бѣтъ“
говорилъ другимъ: нужно взять бутерброды,
жена велѣла домой принести, и сунулъ это
онъ меня, да уже въ карманѣ полно было, вотъ
и упалъ я на полъ. Потомъ сторожъ Михайлъ по-
добралъ меня и почистилъ, да вотъ . . .

(но тутъ голосъ прерывается и заглу-
шается сто однимъ опроверженіемъ, который
должны быть завтра напечатаны).

Опроверженіе первое (умоляюще). Голубчики
стыдно, пощадите. Я краснѣю. Вѣдь я не бѣтъ
бутерброды, такъ зачѣмъ же вы меня тира-
ните, зачѣмъ заставляете кривить душой. По-
жалуйста пощадите.

(Слышенъ шумъ).
Всѣ 101 опроверженія въ одинъ голосъ, во имя
правды, умоляютъ не помѣщать ихъ).

(Шумъ усиливается. Редакторъ заводитъ
граммофонъ, который шипитъ и гнусавя произно-
ситъ: я знаю, какъ спасти Россію. Гг. опровер-
женія по мѣстамъ).
Всѣ успокаиваются.

Сторожъ Михайлъ. Выѣздъ подавъ. (Чита-
тели ищутъ свободныхъ крючковъ, чтобы повѣ-
ситься, но всѣ пять заняты. На нихъ висятъ
пять русскихъ свободъ).

Между тѣмъ редакторъ уѣзжаетъ и изъ-за
кулисъ слышится голосъ: „Держи правду“, „объ-
ѣзжай правду“.

Сотрудники молча улетаютъ оставшіеся,
ассигнованные на сегодняшний день 472 бутер-
брода.

Министры (хоромъ). Вотъ гдѣ правда.
(Занавѣсъ).

Анонсъ.

Второе дѣйствіе (но уже не блюдо).
27 Апрѣля.

Между литераторами:

— Какъ это все въ жизни повторяется?
— А именно?
— Да вотъ, двадцать пять лѣтъ тому на-
задъ уничтожено крѣпостничество, а теперь
оно снова возродилось.
— ?!
— Вѣдь всѣхъ приговариваютъ къ заклю-
ченію въ крѣпости . . .

Въ „Berliner Tageblatt“ передается бесѣда
графа Витте съ одной высокопоставленной да-
мой.

— Еслибы Дурново захотѣлъ, онъ могъ бы
меня повѣсить, заявилъ графъ Витте.

Но г. Дурново пока графа Витте не вѣшаетъ,
а вѣшается ему на шею.

Отсюда мораль: оба лучше, какъ говорятъ
дѣти.

Въ кабинетѣ редактора.

— Вы принесли опроверженіе?
— Да, на основаніи . . .
— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, обратитесь за
этимъ въ „Русское Государство“, тамъ заявлена
привиллегія на этотъ сортъ журнальныхъ за-
мѣтокъ.

Борцу со свободой печати.

Вотъ проектъ; онъ „здравъ“ и кратокъ:
Мудрый, — мудрому внимай.

Привожу безъ опечатокъ
Изъ наказа „зануздай“:

— „Въ трепетъ карами повергни,
„Передъ словомъ не пасуй,
„Если можешь — опровергни,
„А не можешь, — арестуй!“

Кулискъ.